

Wiaczesław Koszelew

Горе уму, или дурацкий ум

Polilog. Studia Neofilologiczne nr 2, 47-58

2012

Artykuł został opracowany do udostępnienia w internecie przez Muzeum Historii Polski w ramach prac podejmowanych na rzecz zapewnienia otwartego, powszechnego i trwałego dostępu do polskiego dorobku naukowego i kulturalnego. Artykuł jest umieszczony w kolekcji cyfrowej bazhum.muzhp.pl, gromadzącej zawartość polskich czasopism humanistycznych i społecznych.

Tekst jest udostępniony do wykorzystania w ramach dozwolonego użytku.

Wiaczesław Koszelew

Nowogrodzki Uniwersytet Państwowy im. Jarosława Mądrego
Nowogród Wielki, Rosja

ГОРЕ УМУ, ИЛИ ДУРАЦКИЙ УМ

Ключевые слова: *рационалистический тип, нравственная антиномия, заглавие, концепты «ум» и «горе»*

Однажды у Олениных, после обеда, сидел Крылов с сигарою в зубах в кабинете хозяина в полусонном состоянии и, по-видимому, совершенно безучастно к тому, что происходило кругом. А между тем кругом собралась молодежь и горячо шумела по поводу какой-то статьи Сенковского.

Одни утверждали, что в своих предположениях, выводах, соображениях автор обнаруживает ум чуть ли не гениальный. Другие доказывали, что все эти предположения, выводы и соображения не что иное, как парадоксы. Последние победили, а первые, не желая уступить поля, предложили помириться на том, что автор человек очень умный, хотя у него ум парадоксальный.

– Вот вы говорите: умный, – сказал Крылов, на которого никто не обращал внимания, полагая, что он спит, – умный! Да ум-то у него дурацкий¹.

Грибоедов, как и Крылов, был близок к «просветительскому» XVIII столетию и декларировал уважение к рационалистическому типу человеческих отношений. В своей знаменитой комедии он предпочитал исходить из простейших нравственных антиномий: «умный» – «дурак». В известном письме к П.А. Катенину, своему ближайшему литературному другу, он представил весь «план» *Горя от ума* в этих несложных категориях: «...девушка, сама не глупая, предпочитает дурака умному человеку (*не потому, чтобы ум у нас, грешных, был обыкновенен, нет!* и в моей комедии 25 глупцов на одного здравомыслящего человека); и этот человек, разумеется, в противуречии с обществом, его окружающим...» (3, 87)².

В этом «представлении» показательно, что Грибоедов не отрицает специфических («необыкновенных») особенностей отношения к «уму», которые далеко не всегда одинаковы в разные времена. Любой отрезок времени часто оценивается изначально противоположными категориями, как само XVIII столетие: «сто-

¹ В.Ф. Кеневич, *Рассказы о Крылове*, [в]: *И.А. Крылов в воспоминаниях современников*, Москва 1982, с. 300.

² Произведения и письма Грибоедова цит. по: А.С. Грибоедов, *Полн. собр. соч. в 3-х тт.* Т. 1-3, Санкт-Петербург 1995-2006. Далее ссылки в тексте с указанием тома и страницы.

летье *безумно и мудро*). В границах своего времени (которое, как известно, «не выбирают») частный человек может проявить себя только тем образом, который с этим временем соответствен.

Герой грибоедовской комедии, «*здравомыслящий человек*» Чацкий пробовал проявить себя на разных жизненных «сценах»: служил и в военной службе, и в гражданской, путешествовал, «славно» занимался переводами и литературным творчеством. И не найдя себя ни в одной из этих сфер житейского проявления, решил как будто «начать с начала» - со своего детского возраста, вернувшись к своей «детской» любви. Символом этого возвращения становится попытка окунуться в «домашнюю» обстановку этой, прежде испытанной любви «в темном уголке, и кажется, что в этом» (1, 27). Этот «уголок» Чацкий воспринимает как своеобразный символ утраченного счастья – и умоляет возлюбленную:

Однако дайте мне зайти, хотя украдкой,
К вам в комнату на несколько минут;
Там стены, воздух, всё приятно!
Согреют, оживят, мне отдохнуть дадут
Воспоминания об том, что невозвратно!.. (1, 67)

Но возлюбленная «пожимает плечами, уходит к себе и запирается», не желая впустить «здравомыслящего человека» к былому счастью. Она по-своему права: желание, высказанное влюбленным Чацким, *отнюдь не демонстрирует его здравого смысла!*

То обстоятельство, что замысел *Горя от ума* был не чужд рациональности, подтверждается его первоначальным заглавием в Музейном автографе комедии. Сначала там значилось: *Горе Уму* – потом автор вставил между словами предлог «от» и переправил последнюю букву (1, 124). То есть предполагалось, что героем пьесы будет «по определению» умный человек – даже, в идеале, человек выдающегося Ума: слово это было написано с большой буквы. В первой редакции комедии этот выдающийся Ум (который должен испытать некое «горе») носил фамилию *Чадский*.

Фамилия эта напоминала фамилию реального человека, умом которого восхищались многие современники. «Он в Риме был бы Брут, в Афинах Периклес, / А здесь он – офицер гусарский»³, – так А.С. Пушкин характеризовал этого старшего современника в 1820 г. Это был Петр Яковлевич Чадаев (Чадаев, Чедаев); Грибоедов был с ним знаком еще со студенческих времен, потом активно общался с Чадаевым в Петербурге в 1815-1818 гг. А в 1823 г., когда комедия еще не была даже дописана, по Москве пошли слухи, что это – комедия *про Чадаева*. Слухи быстро дошли до того же Пушкина (жившего на другом краю России, в Одессе), и тот в начале декабря 1823 г. с удивлением спрашивал москвича П.А. Вяземского: «Что такое Грибоедов? Мне сказывали, что он написал комедию на Чадаева; в теперешних обстоятельствах это чрезвычайно благородно с его стороны»⁴. Еще бы не «благородно»: Чадаев в феврале 1821 г., после восстания Семеновско-

³ А.С. Пушкин, *Полн. собр. соч.* Т. 2, Москва 1947, с. 134.

⁴ Там же. Т. 13, с. 81.

го полка, вынужден был, вследствие различных сплетен выйти в отставку и уехать в заграничное путешествие, продолжавшееся несколько лет. Писать в этот период «комедию на Чедаява» значило создавать некий «донос» на близкого человека. Кажется, именно эти «слухи» заставили автора сменить фамилию «умника» с «Чадского» на Чацкого. «Личности», подобные той, что была явлена в этом слухе, почитались неприличными. Но именно к «личностям» человеческое общение особенно предрасположено.

Грибоедовский герой – уже по исходной посылке *умный* человек. И Софью любить он может прежде всего за *ум*. Но умная Софья почему-то предпочитает не столь уж умного Молчалина – и свои предпочтения объясняет так:

Конечно нет в нем этого ума,
Что гений для иных, а для иных чума,
Который скор, блестящ и скоро опротивит,
Который свет ругает наповал,
Чтоб свет об нем хоть что-нибудь сказал;
Да эдакий ли ум семейство осчастливит? (1, 65)

Простору говоря, есть много разновидностей *умов*: ум «государственный» (подобный уму Бруга или Периклеса), ум «общественный» («светский»), ум «домашний» (предназначенный для «семейства») и т.д. Софье больше по нраву «семейственный» ум:

Чудеснейшего свойства
Он наконец: уступчив, скромн, тих,
В лице ни тени беспокойства
И на душе проступков никаких;
Чужих и вкривь и вкось не рубит... (1, 65)

А для Репетилова, гордого своим общением «с людьми умнейшими» («сок умной молодежи»), важнее именно «общественный» ум, проявляющийся в формах светских бесед и разрешенных споров «о матерьях важных»:

Вслух, громко говорим, никто не разберет.
Я сам, как схватятся о камерах, присяжных,
О Байроне, ну о матерьях важных,
Частенько слушаю, не разжимая губ;
Мне не под силу, брат, и чувствую, что глуп... (1, 104)

А Фамусову по душе особенный, «московский» ум, основанный не на модных новинках, а на здоровом консерватизме, который показателен и для «сынков и внучат», и для «наших старичков» – вельмож «на покое»:

На всех московских есть особый отпечаток.
Извольте посмотреть на нашу молодежь,
На юношей – сынков и внучат,
Журим мы их, а если разберешь,

В пятнадцать лет учителей научат!
А наши старички?? – Как их возьмет задор,
Засудят об делах, что слово – приговор...
.....
Поспорят, пошумят, и... разойдутся.
Прямые канцлеры в отставке – по уму! (1, 46)

Согласимся, что предпочтения каждого из персонажей какого-то своего типа «ума», имеют право на существование.

«Темы “ума” (учения, знания, воспитания и т.п.) касаются все действующие лица, – отметил С.А. Фомичев. – Высокая философская нота в произведении задана Чацким, но она явно не по голосу остальным персонажам, и потому их рассуждения о “матерях важных” комичны: восхваляя “ум” как благонравие, как “уменье жить”, они постоянно проговариваются и в конечном счете сводят его к понятиям сугубо меркантильным [...]. Но как бы то ни было, глубоко погруженное в быт, произведение Грибоедова оборачивается своего рода философским трактатом, пытливо исследующим, что есть ум, что разумно, что истинно»⁵.

Непонятно, почему здесь исключается такое немаловажное свойство мыслящего человека, как «меркантильность» ума – то есть в данном случае его «расчетливость». Напротив, в том словоупотреблении, которое было принято во времена автора «Горя от ума», ум определялся как «способность понимать вещи и судить об них», а умный человек – как «благоразумный, имеющий здравый рассудок или основанный на здравом рассудке, рассудительный»⁶. При таком понимании ума «расчетливость» становится его неотъемлемым качеством.

Д. Клейтон специально подсчитал, сколько раз и какие именно персонажи грибоедовской комедии произносят слово *ум*. Оказалось, что гораздо чаще, чем любое из абстрактных понятий этого ряда: 79 раз. 31 раз оно, естественно, отнесено к «умному» Чацкому, – но на втором месте – Молчалин, который, вспоминает Чацкий, «прежде был так глуп!..» (1, 61) (14 раз)⁷. Вспоминать-то он вспоминает, но «притворяясь» перед Софьей, замечает: «Пускай в Молчалине ум бойкий, гений смелый...» (1, 63). И даже обещает пустить в Английском клубе молву «про ум Молчалина» (1, 67). Правда, буквально в следующей фразе (после ухода Софьи) замечает о том же Молчалине: «Ума в нем только мало...» (1, 67).

Подобные «оценочные кульбиты» грибоедовского героя напоминают позднейшие критические «кульбиты» парадоксалиста О.И. Сенковского, о которых шла речь выше. Его панегирические оценки Нестора Кукольника («русского Гете»), или пресловутый знак равенства между стихами Пушкина и А.В. Тимофеева, поставленный в одной из его статей, или саркастические отзывы об *Арабесках* и *Ревизоре* Гоголя, – воистину «дурацкий ум»! При этом подлинного ума этого писателя не отрицали и самые беспристрастные из современников. Вот отзыв

⁵ С.А. Фомичев, *Комедия А.С. Грибоедова «Горе от ума»: Комментарий*, Москва 1983, с. 25.

⁶ *Словарь Академии Российской, по азбучному порядку расположенный*, Санкт-Петербург 1822, ч. 6, с. 973-974.

⁷ C. Douglas, 'This folly to bowies': *The semantics of um – ii Griboedow's 'Gore ot uma'*, [в]: Acta Universitatis Stockholm Studies in Russian Literature, 23. Text and context. Essays to honor Nils Ake Nilson, Stockholm 1987, с. 7-15.

ссылного декабриста В.К. Кюхельбекера (из письма к Н. Глинке от 9 июля 1835): «Я литератора Сенковского, литератора и ученого европейского, ни с кем из наших не сравниваю: он всех нас [...] (не исключая никого) далеко перевешивает ученостью и основательностью познаний»⁸. А Пушкин, в самый разгар журнальной борьбы между издаваемым им „Современником” и редактируемой Сенковским „Библиотекой для чтения”, счел нужным печатно заметить: «Многие из его статей [...] достойны занять место в лучших из европейских журналов»⁹.

С одной стороны, ум Сенковского выглядит замечательным по многим объективным показателям: широко образован, знает множество языков и литератур, умеет нетрадиционно представлять факты и т.д. С другой стороны, те оригинальные мысли, которые появляются при использовании этого «ума», приводят «в изумление: что это такое? что заставляло писать так этого человека? [...] Для чего же вся эта деятельность?»¹⁰. В этом противоречии и проявляется тот «дурацкий», по терминологии Крылова, ум, результаты действий которого не позволяют понять даже *цели* его усилий.

Эту «цель» пытались определить многие современники. «Передовой боец славянофильства» К.С. Аксаков так охарактеризовал фигуру Сенковского, явленную в редактируемом им журнале: «„Библиотека для чтения” [...] поняла, где стоит множество народа на гуляньях, чему раздается одобрительный хохот; она поняла и осуществила на деле; и точно, около нее собирается народ, которого тешит записной остряк, готовый на какие угодно штуки, чтоб только вынудить смех, и точно, невольно смеешься. Но что проповедует, что думает „Библиотека для чтения”? – ничего не думает: *она скажет вам, что думать – вздор*. Что чувствует? Ничего опять не чувствует: *она скажет вам, что и чувство – вздор*. Какое же ее убеждение, цель? Ведь вот, напр[имер], у г. Булгарина есть убеждение и цель, известные всей России, а у „Библиотеки” нет никакого. У нее есть *цель* посмеять, и, разумеется, она недаром проделывает свои штуки и насмешки»¹¹.

Но ведь именно такая «цель посмеять» организует и разговоры Чацкого в *Горе от ума*. Вот он появляется с утра пораньше в доме Фамусовых и, по характеристике самого Грибоедова, «слегка перебирает странности прежних знакомых, что же делать, коли нет в них благороднейшей заметной черты!» (3, 87). «Его насмешки не язвительны», подчеркивает Грибоедов: просто легкий трёп про «того черномазенького, на ножках журавлиных», «троих из бульварных лиц», «нашего солнышка», «того чахоточного», «тетушки», которая «всё девушкой, Минервой», «француза, подбитого ветерком» (1, 27-29) и т.д. Софье, которой предназначены эти остроты, они уже порядком надоели по прошлым общением: «Он славно пересмеять умеет всех» (1, 23).

Но что стоит за этим желанием «пересмеять»? Грибоедов пишет опять же точно: «...его никто не понимает, никто простить не хочет, зачем он *немножко повыше прочих*» (3, 87). В данном случае эти остроты про ближних имеют ту

⁸ Цит. по: В.А. Каверин, *Барон Брамбеус: История Осипа Сенковского, журналиста, редактора „Библиотеки для чтения”*, Москва 1966, с. 137.

⁹ А.С. Пушкин, *Полн. собр. соч. ...*, т. 12, с. 96.

¹⁰ Н.В. Гоголь, *О движении журнальной литературы в 1834 и 1835 году*, [в]: Н.В. Гоголь, *Собр. соч. в 9-ти тт.*, Москва 1994, т. 7, с. 435.

¹¹ К.С. Аксаков, *Эстетика и литературная критика*, Москва 1995, с. 115.

цель, что человек, рассыпающий эти остроты, должен почитаться сам лишенным осмеиваемых недостатков... Впрочем, это-то как раз Софья понимает: «Остер, умён, красноречив, / В друзьях особенно счастлив, / Вот об себе задумал он высоко...» (1, 24). Софья расценивает это желание всеми способами казаться «повыше прочих» как противоестественное: «сначала он весел, и это порок: *Шутить и век шутить, как вас на это станет!*» (3, 87). Она даже высказывает пожелание, чтобы Чацкий как-нибудь «ошибкою» сказал «добро о ком-нибудь» (1,30). Это, в сущности, естественная реакция *умной* женщины.

Потом Чацкий действует по принципу, который Грибоедов определил: «наших затронули» – его остроты становятся всё более язвительны и содержательны. Но всё равно не перестают быть «развлекательными» упражнениями в остроумии. Разговор Чацкого с Фамусовым выстроен как столкновение «двух поколений». При этом сам Фамусов – по возрасту представитель «межеумочного» «послекатерининского» века – и сам в качестве идеала апеллирует ко времени «дедов». «Фамусов, – замечает современный историк, – выражает в беседе идеалы не своего, а предшествующего поколения, времен “государыни Екатерины”. Подобный разговор вполне мог происходить где-нибудь в начале 1790-х годов между юным Фамусовым и его отцом или дядей. Автор это прекрасно сознавал. Что он хотел показать? история повторяется? не ждет ли новое поколение тот же оглушающий крах веры в Разум и в себя, который пережило юношество 1790-х годов? Разумеется, Грибоедов не мог предвидеть или даже ожидать этот крах; но трудно поверить, чтобы в 1823 году он мог всерьез поддерживать речи Чацкого, чей стиль явно восходит к одам Державина. [...] Чацкий говорит все верно, но то же самое говорил до него Державин, а до него – Ломоносов. Диалог Фамусова и Чацкого парадоксален: он словно увлекает в глубины российской истории, но он же зовет и вперед, когда молодым снова и снова приходилось бунтовать против стариков»¹².

Даже инвективы Чацкого против крепостного права («А судьи кто?.. и т.д.») оказываются всего лишь выпадами против его наисквернейших, частью запрещенных законом (дети, «от матерей, отцов отторженные» и «распроданные по одиночке» – 1, 48), либо давно изжитые, вроде обмена дворовых на борзых собак. «Свободомыслие» подобного типа было в ту пору общим местом в русском обществе: в ранней редакции комедии Репетилов говорил, «что за правительство путем бы взяться надо», а Загорецкий ему отвечал:

Извольте продолжать, поверьте,
Я сам ужасный либерал
И рабства не терплю до смерти,
Чрез это много потерял. (1, 227)

И Чацкому выгодно предстать таким же «гонимым» – вот он и старается...

И те национально-патриотические идеи, что он развивает в своем монологе о «французике из Бордо», тоже немногого стоят. Во-первых, они явно «привезены» из Западной Европы, бурлившей в ту пору «национальными» идеями. Во-

¹² Е.Н. Цимбаева, *Исторический анализ литературного текста*, Москва 2005, с. 46.

-вторых, этот монолог даже и формально ориентирован на русские «патриотические» экзерсисы периода наполеоновских войн: источник его – «письмо десятое» цикла И.М. Муравьева-Апостола *Письма из Москвы в Нижний Новгород* (1813)¹³. В-третьих, еще В.Г. Белинский обратил внимание на подобное же брюзжание против «побродяг»-иностранцев у Фамусова¹⁴.

В «сухом остатке» поведения Чацкого остаются лишь острословие Чацкого, его неуместное вмешательство в чужую беседу (он, например, перебивает Фамусова и Скалозуба, несмотря на то, что его просили «помолчать – не велика услуга» – 1, 47), задает возлюбленной вопросы, на которые невозможно отвечать («Кого вы любите? [...] Кто более вам мил?» – 1, 62), произносит монологи, которые никто не слушает, подслушивает и вмешивается в сложную ситуацию с неуместной гневной «чепухой», после которой Фамусов естественно спрашивает: «Ну что? не видишь ты, что он с ума сошел?..» (1, 122). Подобное поведение действительно демонстрирует «дурацкий ум».

«Кто-то со злости выдумал об нем, что он сумасшедший...» (3, 87) – отмечает Грибоедов, объясняя «план» комедии. Да не «кто-то», а именно умная возлюбленная, Софья. И хоть получилась у нее эта «молва», что называется, «не специально», но она вполне удовлетворена наказанием «умника», который «унизить рад, кольнуть, завистлив, горд и зол» (1, 85). Пусть этот «умник» не думает, что он «повыше прочих»:

А, Чацкий! любите вы всех в шуты рядить,
Угодно ль на себе примерить? (1, 86)

Показательно, что ум Чацкого, заявленный Грибоедовым, возбудил в современниках сомнение. В лапидарном выводе Пушкина, «Чацкий совсем не умный человек – но Грибоедов очень умен»¹⁵. При этом разные современники по-разному определяли этот «дурацкий ум». По мысли Пушкина, герой Грибоедова не умеет оценить собеседника («Первый признак умного человека – с первого взгляду знать, с кем имеешь дело, и не метать бисера перед Репетиловым...»). М.А. Дмитриев полагал, что герой «умничает» перед людьми, «потому что считает себя умнее: следственно, всё смешное – на стороне Чацкого!». Н.И. Надеждин обратил внимание на «невежливость» Чацкого, который, едва увидев Софью после трехлетней разлуки, «пускается острить, колоть и злословить всю родню ее, всех знакомых, всю Москву...». Вяземский указал, что герой не может назваться умным, потому что «бешеный и скучный», его ум «не терпимый» и «не завидный ни для себя, ни для других». В.Г. Белинский вообще назвал Чацкого «полоумным» и лишенным «уважения к святому чувству любви и к самому себе»¹⁶.

¹³ См.: Д.И. Белкин, *Отзвуки «Писем из Москвы в Нижний Новгород» И.М. Муравьева-Апостола в «Горе от ума» и «Евгении Онегине»*, [в]: *Проблемы творчества А.С. Грибоедова*, Смоленск 1994, с. 105-106.

¹⁴ В.Г. Белинский, «Горе от ума», [в]: *«Век нынешний и век минувший...»: Комедия А.С. Грибоедова «Горе от ума» в русской критике и литературоведении*, Санкт-Петербург 2002, с. 99.

¹⁵ А.С. Пушкин, *Полн. собр. соч. ...*, т. 13, с. 137.

¹⁶ «Век нынешний и век минувший...», с. 50, 60, 73, 85, 92, 94.

Но важно, что все названные современники не приняли «дурацкого ума» Чацкого именно потому, что этот ум неуместен в совместном бытовании со всеми прочими, обыкновенными людьми. Для героя Грибоедова оказывается «недействителен» тот общежительный принцип, который приняли для себя многие неглупые современники автора.

Так, К.Н. Батюшков в мае 1817 г. заметил в записной книжке: «В молодости мы полагаем, что люди или добры, или злы: они белы и черны. Вступая в средние лета, открываем людей ни совершенно черных, ни совершенно белых; Монтань бы сказал: серых. Но зато истинная опытность должна научить снисхождению, без которого нет ни одной общественной добродетели: надобно жить с серыми или жить в Диогеновой бочке». И – чуть ниже: «Может быть, лучший признак мудрости есть кротость, *тихий нрав в крови*, как говорит Державин»¹⁷.

Уж чего-чего, а такого рода «мудрости» в Чацком изначально нет. Поэтому он со своим умом оказывается неудобным для окружающих и исключительно неуживчивым человеком. Всё у него как-то не получается, и ни с кем он как-то не может ужиться.

По тем сведениям, которые сообщают о Чацком действующие лица комедии, трудно выстроить его непротиворечивую биографию.

Он служил в гражданской службе – и даже имел какую-то «связь с министрами». Но тут произошел «разрыв»: Чацкий не захотел «прислуживаться».

Он «повлекся» за ровесниками в военную службу, служил «в полку» вместе с Платоном Михайловичем и даже (если верить Загорецкому) воевал: «В горах изранен в лоб...»

Он путешествовал («Хотел объехать целый свет, / И не объехал сотой доли» – 1, 32).

Он лечился «на Кислых водах».

Он занимался литературой, и, вероятно, профессионально: даже далекому от книг Фамусову известно, что Чацкий «славно пишет, переводит» (1, 47). Но к «цеху задорному» относится с явной насмешкой: вероятно, не поладил с какими-то коллегами.

Наконец, он сумел заслужить славу «франта-приятеля», который «отъявлен мотом, сорванцом» (1, 33)... Возможно, играл в карты или волочился за «кокетками записными».

И всё это – за условных «три года», в которые «не писал двух слов» в Москву. За это время Чацкий попробовал пройти все жизненные дороги, возможные для человека его круга. Осталось только – как брату Скалозуба – запереться в деревне и читать книги...

Но в отличие от пушкинского Онегина, герой Грибоедова вовсе не «охладел» к жизни и не заболел «русской хандрой». И, кажется, своеобразную «лечебную» роль оказал в этом его «дурацкий ум».

Это «ум», не направленный ни на какие меркантильные цели и постоянно ссорящий его носителя с окружающими «дураками» (которых 25 «на одного!»), имеет еще одну важную особенность. Он направлен на постоянное накопление знаний, на непрерывное внутреннее совершенствование – в этом состоит единст-

¹⁷ К.Н. Батюшков, *Соч. в 2-х тт.*, т. 2, Москва 1989, с. 40, 41.

венная цель его развития, не позволяющая его носителю остановиться и впасть в «хандру».

Показательно, что представители «фамусовского общества», отнюдь не лишенные «ума» и демонстрирующие особенное уважение к «уму», яростно протестуют именно против подобного «незаинтересованного» и не направленного на приобретение практических, меркантильных выгод *учения*. Причем, не только против «учения» низших слоев общества – но и против «учения» таких же дворян, как они сами.

Первым «сигналом» такого «протеста» в *Горе от ума* оказывается маленькая реплика из первоначальной болтовни Чацкого о каком-то «чахоточном» родственнике Фамусовых из «ученого комитета», который «с криком требовал присяг, / Чтоб грамоте никто не знал и не учился» (1, 28). Требование «чахоточного» касается прежде всего простого народа – и в дальнейшей комедии отзывается и в намерении Скалозуба «учить по-нашему: раз, два...» (1, 93), и в желании Фамусова «опустить не в меру сообразительную и “быстроглазую” Лизу: “Изволь-ка в избу, марш за птицами ходить...”» (1, 120) – именно лишнее «учение» выучило ее непозволительным для ее сословия манерам!

Более всего опасений вызывают те «умники», которые *пристрастились к книгам*. Вот брат Скалозуба, который ни с того ни с сего оставил службу и – «в деревне книги стал читать». Реплика Фамусова: «Вот молодость!.. – читать!.. – а после хватить!..» (1, 44). «Человек читающий» как будто уже лишился карьеры – какая после этого служба! Поэтому когда Скалозуб предлагает в идеальном обществе отказаться от постоянного чтения книг, сохранив их «для больших okazji», Фамусов предлагает более кардинальное решение: «Уж коли зло пресечь: / Забрать все книги бы, да сжечь», а Загорецкий мудро замечает: «Нет, книги книгам рознь» (1, 93).

В глазах объединившихся «дураков» книга может заключать немалую нравственную опасность. «Никакое богатство не может перекупить влияние того, чем овладевает книга, никакая власть, никакое правление не может устоять противу типографического снаряда» (Пушкин)¹⁸. Одни, как Скалозуб, предлагают просто «устраниться» от этого влияния – не читать книг. Другие, как Фамусов, хотели бы просто уничтожить это влияние – хотя бы и варварскими способами. Третьи, как Загорецкий, предлагают противопоставить книгам «неправильным» (тем, которые могут с ума свести) – творения «правильные»... В любом случае книга воспринимается как нечто вредоносное для обыденной жизни, и те московские «юноши», которые, по мнению Фамусова, «в пятнадцать лет учителей научат», черпают свои знания отнюдь не из книг.

«Опасный» ум Чацкого тем и опасен, что идеалом этого *ума* является человек, который не связывает его действия с непосредственно практическим интересом:

*Не требуя ни мест, ни повышенья в чин,
В науки он вперит ум, алчущий познаний* (1, 49).

Само «познание», как известно, безгранично, но обыденная жизнь научилась на определенных этапах ставить ему пределы: «дальше нельзя!» И житей-

¹⁸ А.С. Пушкин, *Полн. собр. соч.* ..., т. 11, с. 236.

ские «умники» из фамусовского общества озабочены прежде всего этими «пределами».

Избавь. Ученостью меня не обморочишь,
Скликай других, а если хочешь,
Я князь-Григорию и вам
Фельдфебеля в Вольтеры дам,
Он в три шеренги вас построит,
А пикнете, так мигом успокоит (1, 107).

«Пределы» для ума устанавливает не «ученость», а некий деятель, изначально этой «ученостью» не избалованный, но назначенный на место «умника» («фельдфебель», исполняющий роль «Вольтера»). И «успокоение» умов производится отнюдь не «учеными» методами. А если для какого-нибудь Чацкого эти «пределы» оказываются недействительны – тут-то наступает и «горе от ума», и «горе Уму».

В заглавии грибоедовской комедии, помимо концепта *ум*, присутствует и не менее показательный концепт *горе*. В.И. Даль определяет это понятие системой сходных эпитетов: «беда, бедствие, несчастье, злополучие, напасть, тоска, печаль, скорбь, кручина». Уже по этому списку понятно, что представление о *горе* включает в себе ряд разных «вариантов» этого явления и разные «степени»: от «злого горя» – до «горя лукового».

В разной степени горе переживают в конце комедии все ее персонажи.

«Моя судьба еще ли не плачевна!» (1, 122) – восклицает Фамусов: его гостеприимный московский дом стал предметом для насмешек и сплетен какой-нибудь «княгини Марьи Алексевны»: о нем можно теперь «говорить» любую нелепость.

Несчастлива Софья, потерявшая возлюбленного; для довершения беды папенька принял решение сослать ее «подалее от этих хватов, / В деревню, к тетке, в глушь, в Саратов» (1, 120).

Скорбь и у Молчалина: после расправы с ним Софьи ему надлежит тотчас же бежать прочь, «чтобы в доме здесь заря вас не застала, / Чтоб никогда об вас я больше не слыхала» (1, 118).

Злополучна участь Лизы, которой приказано возвращаться в деревню: «Изволь-ка в избу, марш за птицами ходить» (1, 120).

И Скалозуб опечален неудачей женитьбы. И даже гости недовольны прошедшим балом: «Ну, Фамусов! умел гостей называть!» (1, 99).

Кажется, будто один Чацкий должен быть доволен случившимся: как определил Грибоедов, «он ей и всем наплевал в глаза и был таков» (3, 87). Для того колкого *ума*, которым герой обладает, такой финал естествен и даже ожидаем.

Когда *Горе от ума* разошлось во множестве списков и получило всероссийскую известность, появился каламбур, занявший в некоторых списках место «эпиграфа» к комедии. Вот как записал его владелец одного из списков А.С. Чацкий на титульном листе:

Судьба, насмешница, шалунья
Распределила здесь сама:
Всем умным – горе от ума,
А глупым – счастье от безумья!... (1, 178)

Каламбур вроде бы претендовал на то, чтобы выразить основную мысль Грибоевской комедии, – и ни в коем случае не выразил ее. Даже и на первый взгляд, те, которых Грибоедов аттестовал «глупцами» («25 глупцов»), не становятся от этого счастливы. А тот, который объявляется «безумным», не испытывает особенного «горя». Речь идет явно о каком-то особенном *горе*, возникшем из-за какого-то особенного *ума*.

Сюжет *Горя от ума* оказался связанным с рядом житейских «анекдотов»: в них обыгрывался тот парадоксальный случай, который лег в основу комедии. Вот один «случай», который мемуаристка поведала со слов профессора Московского университета, под руководством которого Грибоедов изучал английский язык, Ф.Я. Эванса. Когда драматург в Москве собирал материал для *Горя от ума*, разнесся слух о его безумии. Эванс стал допытываться об источнике слуха. Грибоедов «рассказал, тревожно ходя взад и вперед по комнате, что дня за два перед тем был на вечере, где его сильно возмутили дикие выходки тогдашнего общества, раболопное подражание всему иностранному и, наконец, подобострастное внимание, которым окружали какого-то француза, пустого болтуна. Негодование Грибоедова постепенно возрастало, и, наконец, его нервная, желчная природа высказалась в порывистой речи, которой все были оскорблены. У кого-то сорвалось с языка, что “этот умник” сошел с ума, слово подхватили, и те же Загорецкие, Хлестовы, гг. Н. и Д. разнесли его по всей Москве»¹⁹.

Это воспоминание, несомненно, задним числом перенесло ситуацию *Горя от ума* на действительный случай, происшедший с его автором. Ничего подобного не известно из других источников. Вместе с тем, Н.К. Пиксанов увидел в этом явном апокрифе «какой-то правдивый отголосок подлинной жизни»: «Очерченное в рассказе положение Грибоедова так естественно, что легко даже допустить его повторяемость»²⁰.

Эту «повторяемость» допустить тем легче, что подобные истории, касавшиеся «дурацкого ума», действующего по особенной логике и чуждого меркантильных установок, достаточно часто на Руси происходили. Наиболее показательное «повторение» представил поминавшийся выше Чаадаев – не случайно слухи сделали его в свое время героем грибоевской «комедии на Чадаева». Осенью 1836 г. «басманный философ» был официально объявлен сумасшедшим за ставшее достоянием общества «Философическое письмо к г-же N» (написанное еще в 1828 г.). Другое «горе» случилось с другим носителем «дурацкого ума» – Сенковским: после шумного успеха созданного им журнала он вдруг устал, ощутил «преждевременную старость», сошел с литературной сцены и увлекся совсем, казалось бы, «сумасшедшими» и ненужными в практической жизни вещами: то создает «скрипку о пяти струнах», то разводит «южный сад» под Петербургом, то с огромными затратами строит «оркестрион» – музыкальный инструмент, долженствующий заменить собой все инструменты симфонического оркестра. Современники единогласно пишут об этих весьма затратных увлечениях как о «сумасшествии» талантливого журналиста²¹.

¹⁹ Е.В. Новосильцева, *Рассказы из прошлого*, «Русская старина» 1878, № 3, с. 546.

²⁰ Н.К. Пиксанов, *Творческая история «Горя от ума»*, Москва-Ленинград 1928, с. 92.

²¹ См.: В. Каверин, *Барон Брамбеус...*, с. 183-202.

И так далее – вплоть до недавних времен, когда думающего «диссидента», которого не за что было отправлять в тюрьму или в лагеря, просто садили в «психушку»...

Как только «дурацкий ум» надумает проявиться – тут ему и «укорот» готов!

Summary

Woe is the mind or foolish mind

The article concerns the functional interaction of the concepts of woe and mind in the structure of Griboedov's *Woe of wit*. This interaction is defined through a wide historic and literary context: the comedy's text itself is analyzed as well as the numerous perceptions of its contemporaries and the main character is placed against the "wise heads" of the time (P.J. Chaadaev, O.I. Senkovsky). It turns out that Chatsky's destiny, "comic" in many ways, is quite close to the real destinies of the author's acquaintances.

Key words: *rationalistic type, moral antinomy, title, concepts "Wit" and "Woe"*